

АЛЕКСАНДР ХАРИТАНОВСКИЙ

МЯТЕЖНЫЙ ДОКТОР

Серым промозглым утром 17 ноября 1911 года деревянную мостовую Нома, покрытую тонким слоем сырого снега, бороздила тяжелогруженная почтовая нарта. Шесть пар собак, натягивая постромки, стараясь ускорить шаг, косили глаза то на идущего рядом с нартами мужчину, то на хозяина, который семенил с другой стороны, придерживая нарту за «баран» — дугу, скрепляющую полозья. Оба путника были одеты в меховые кухлянки, торбаса и походили бы на обычных проспекторов, не будь на глазах у первого пенсне.

Когда проезжали мимо деревянного, обшитого струганым тесом трехэтажного дома, из его застекленной двери с овальной эмалированной вывеской на косяке «Страховая камера» выскочил курчавый человек в помятом костюме-тройке и с помятым сонным лицом.

— Не желает ли мистер Грюнер застраховать перед дорогой драгоценную инспекторскую жизнь? — И поклонился. Говорил он с немецким акцентом, полушутливо, но в тоне чувствовалось уважение, в поклоне — тоже. — Не желает... Тогда не откажете передать это в редакцию «Фербенкс дейли». — Он протянул конверт.

— Господин Браун, — отвечал тот, который был в пенсне, — лучше официально, через почтальона, — кивнул на своего спутника. — Вдруг у вас заявка!

— Увы, — курчавый вздохнул и, высунув язык, потрепал его пальцами, — одни сплетни и слухи остались от номского золота... Подождите минутку, я вас снял на прощание. — И, вернувшись, добавил: — Точно помню дату — 24 сентября 1911 года.

Грюнер взял протянутую ему фотографию: пасущееся на морском берегу стадо, а сбоку он — в форменной фуражке, в сапогах с голенищами выше колен. В отдалении — русская церквушка и домик с покосившимися бревенчатыми стенами.

— Это Головино, бывшее русское селение. Вы, конечно, сожалеете.

— Потерявши голову, по волосам не плачут. — ответил Грюнер, имея в виду продажу Аляски Соединенным Штатам в 1867 году, и положил фотографию во внутренний карман.

Упряжка двинулась дальше. Почтальон

на ходу засунул конверт в кожаную сумку с блестящим замком на цепочке. Улица была хорошо спланирована — прямая, застроенная двух- и трехэтажными домами. Миновали почту с объявлением, что в Номе открыт беспроволочный телеграф, работающий на 1500 миль, затем — гоночный круг для обучения и испытания ездовых собак, больницу, гостиницу. Через каждое строение пестрели торговые вывески. Однако многие магазины были закрыты, на некоторых висели таблички — «Для продажи», «Для найма»...

Цветущая пора Нома прошла. Основанный в самом конце века, в пору золотой лихорадки, он медленно увядал. На морском берегу еще рылись, но уже без прежнего энтузиазма. Проспекторы уходили, кто на восток, в сторону Фербенкса, где появились промышленные рудники, кто на запад через Берингов пролив, на Чукотку. Там вела разведочные работы русско-американская компания «Северо-Восточное сибирское общество».

Почтовая нарта, отправившаяся в Фербенкс, как раз везла много писем с разочарованиями и просьбами выслать доллары на обратную дорогу в Штаты. Город был неподвижен и тих, словно укладывался в зимнюю спячку. Заспанными казались и почтальон, и собаки, не прибавившие ходу даже тогда, когда выехали на ровный берег и повернули вдоль него на юго-восток... Последнее строение Нома — башня, напротив которой, в море, на бетонном основании, возвышалась другая такая же. Между ними были перекинуты тросы. Это была подвесная дорога, тоже построенная в пору расцвета города, когда сюда подходили во время навигации один за другим корабли. Они выгружали на аляскинский берег горное оборудование, лес, готовые сборные дома, склады. Приезжали и тысячи пассажиров — ловцов удачи: спекулянтов, проспекторов, проституток... Порой в Номе за сезон скапливалось до двадцати тысяч человек. Но сейчас все население исчислялось тремя тысячами.

Мистер Грюнер, тоже покидавший Ном, не был местным жителем и не интересовался золотом. Он был из России, камчатским ветеринарным инспектором.

Почтальону Джеку, одному из номских старожилов, стало быть неудачнику (удачливые перебрались поближе к банкам, в

которые переводили деньги), было наплевать на должностное звание спутника. Он любовался его пружинистой широкой походкой. Вчера на почте он слышал собственными ушами об этом странном русском, что он может потягаться в ходьбе с кем угодно к северу от пятьдесят третьей. «Станным» потому, что этот человек за лето объездил и исходил весь запад Аляски, занимаясь совершенно бездоходным делом — осматривая и подсчитывая стада домашних оленей у эскимосов.

Задумался и Грюнер. Предстоящая тысяча километров до Фербенкса для него, инспектора края, в который кроме Камчатки входили еще и Охотское побережье и Чукотка, то есть занимающего площадь немногим меньше Западной Европы, не казалась чем-то особенным. Он думал о предстоящем отчете за свою научную командировку в Северную Америку, где изучал постановку ветеринарной службы. В его программу входило знакомство с курсом бактериологии в Коллинсе у доктора Коппа, занятия на агрономическом факультете Калифорнийского университета. Минувшее лето и осень Грюнер провел на Аляске, исследуя состояние оленьих стад — это он считал своей главной задачей.

Да, он готов подтвердить, что чукотские олени отлично прижились на Аляске. Эскимосы оказались превосходными оленеводами. За десятилетие, с 1891 по 1900 год, с Чукотки было вывезено сюда 1280 оленей. К 1906 году стадо, по официальным данным, возросло до десяти тысяч голов, а теперь уже втрое больше.

Грюнер вспомнил сообщение Петербургского телеграфного агентства: «Американцы скупили в Камчатской области оленей и собак и организовали в Номе на Аляске станцию для разведения и улучшения этих животных. Министерство внутренних дел командировало в Ном камчатского ветеринарного инспектора для ознакомления с делом на месте. ...Можно уверенно сказать, что лучшие экземпляры оленей и собак давным-давно перешли в американские руки».

Все это верно. Так он, Грюнер, и говорил корреспонденту перед отъездом, но сейчас может добавить и другое: русские олени спасли немало аляскинских эскимосов от голодной смерти...

— Хо, хо! — врач взялся за «баран» и толкнул нарту вперед. И опять собаки не посмели послушаться, потянули сильнее. И снова удивился номский почтальон энергии уже немолодого спутника.

Движению мешали скалы, обрывы, речушки. В первые дни проходили по пять миль. Это не годилось даже для медленного почтового расписания, по которому нарте полагалось продвигаться не менее 20 миль в сутки. Но и такая скорость не устраивала русского доктора. Когда достигли Юкона, он в селении Танана расстался с почтой и нанял молодого индейца, с которым делал уже по 50 миль

в день. 18 декабря, то есть ровно через месяц после выезда из Номы, путешественник достиг Фербенкса.

Грюнер остановился в городском отеле, на утонувшей в снегу Третьей авеню. Его зимний переход вызвал сенсацию в городе. Местная газета «Фербенкс дейли» немедленно послала к нему в номер корреспондента. Доктор согласился дать интервью и, потирая обмороженные щеки, выложил все, что он думал о порядках колониальной Аляски. Правда, репортер проявлял «политичность», ограничил беседу, как свидетельствует заголовок, средствами передвижения — «О дорогах и почтовой службе русское правительство заботится гораздо лучше, чем наше». Ниже шли такие строчки:

«Удивление пренебрежением к Аляске со стороны американского правительства, удивление, что столь богатый край, дающий ежегодно множество миллионов долларов, имеет столь мало показательного в благоустройстве, — несколько раз высказал прошлым вечером д-р С. А. Грюнер... — Аляска, — сказал доктор, подводя итог своим впечатлениям об этой территории, — Аляска никогда не станет самой собой, пока в ней нет железной дороги от берега до берега».

Вскоре весь Фербенкс знал поднаготную о русском госте: возраст — 48 лет, женат на дочери ссыльного, образование получил в Дерпте. Дополнительные и самые последние сведения давал у стойки местного ресторана индеец-попутчик. Он рассказал, как на льду Тананы, когда их застала пурга и негде было укрыться, этот «рашен» шестнадцать часов подряд пробивал дорогу для собак.

Все это импонировало горожанам Фербенкса и, провожая путешественника в дальнейший нартовый путь на юг, в Чита, в Канаду, они старались быть ему чем-то полезными.

2

Мы не заметили 100-летия со дня его рождения, оно исполнилось еще в 1964 году. На Камчатке, которой Сергей Александрович Грюнер отдал полтора десятилетия лучших дней своей жизни, не найдешь даже его портрета. И я прежде чем увидеть фотографию — строгое с крупными чертами угловатое лицо, прищуренный взгляд, дон-кихотская эспаньолка, рельефно прямой и широкий лоб с надвинутой на него ученой «докторской» шапочкой, — собирал о нем всевозможные сведения у старейших жителей Петропавловска-Камчатского и Сероглазки, а также Полтавы, Якутска, Вологды... Имя и дела этого человека сохранились в памяти народной. А может ли быть хранилище выше, почетнее?!

Придется еще раз начать с даты. 23 декабря 1899 года на перрон станции Полтава сошел с поезда высокий молодой че-

ловец. Колония политических ссыльных пополнилась с того дня двадцатилетним питерским рабочим, организатором заводской стачки Виктором Ногиним. Прямо с вокзала он направился к своему знакомому Сергею Осиповичу Цедербауму, тоже ссыльному, одному из «стариков» — активистов ленинского «Союза борьбы».

— Отлично, отлично. — Цедербаум бегал по комнате, дергая себя за русую бородку. — Отлично, что сразу ко мне... И все-таки одевайтесь. Сейчас я вас познакомлю с прекрасным человеком, ученым ветеринаром Грюнером. Впрочем, еще и лесничим, ботаником, артиллеристом... Пишет стихи — на английском... Это близко, в соседнем доме... Можете быть с ним совершенно откровенным.

Последние слова Цедербаум произносил уже на пороге чужой квартиры, пропуская вперед себя гостя.

— Прошу, прошу, — живо поднялся из-за стола плечистый, среднего роста мужчина. В знак приветствия он чуть наклонил массивную голову с широкими зальсынами и ребячьей ямочкой на подбородке. Вопрошающе перевел взгляд на незнакомца.

— Наш товарищ, — представил с ходу Цедербаум. — Ногин Виктор Павлович. В Полтаве теми же известными обстоятельствами, — с улыбкой показал на себя. — Под гласный надзор.

— И в какой же раз?

— Первый арест, первая ссылка... Отлично, отлично.

— Но уж ничего отличного, — прервал Грюнер Цедербаума и пожал руку молодому человеку. — Какая у вас профессия? Я имею в виду легальную.

— Красильщик, на текстильной фабрике.

— Так. Значит знакомы с химией и, должно быть, в какой-то степени с лаборантским делом... Думаю, работа найдется, — заключил Грюнер, адресуясь уже к Цедербауму.

Двумя десятилетиями позже С. О. Цедербаум в своих воспоминаниях напишет: «Ногин работал микроскопистом на бойне, разыскивая трихины в свиных тушах. Службу эту устроил ему земский врач С. А. Грюнер, который вместе со своей женой много делал для нашей поднадзорной братии, а потом и для «Искры» (был даже арестован и попал под надзор полиции)».

Где арестован, когда?!

Дорога научного и литературного поиска никогда не минует Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. В одном из читальных залов этого хранилища, бережно листаю комплект «Искры». В двадцать втором номере за 15 ноября 1902 года на первой странице под рубрикой — «Хроника революционной борьбы» сообщается: «В Воронеже арест. 12 окт. заведующий ветерин. бюро Грюнер».

В другом зале по каталогу обнаружил брошюру с длиннейшим названием: «Краткий отчет ветеринарного отделения Воро-

нежской управы о деятельности ветеринарного персонала губернского земства о состоянии ветеринарной части в губернии за 1901 год».

Автором отчета оказался С. А. Грюнер. Стало ясно, что Грюнер из Полтавы переехал в Воронеж. Необходимо побывать и в этом городе, поискать следы деятельности Сергея Александровича.

Увы, оказалось, что в Воронеже почти ничего не знают о Грюнере — ни в краеведческом музее, ни в библиотеках.

В Воронежском государственном архиве я долго листал описи документов. Заказал дело — «Земская управа». И тут наткнулся на полный список ветеринарных врачей и фельдшеров губернии, который открывался фамилией — Грюнер. Оказалось, к работе в должности старшего ветеринарного врача губернского земства Сергей Александрович приступил с 1 октября 1901 года, а «согласие губернского начальства по определению на службу получено от 10 сентября 1901 года за № 1968».

Однако губернное начальство вскоре постигло разочарование: магистром ветеринарных наук, сыном подполковника, дворянином Сергеем Грюнером заинтересовались жандармы. Впрочем, последних тоже ожидало разочарование: их подопечный срочно выехал за границу в научную командировку, то есть оказался вне досягаемости «всевидящего ока».

Удалось мне отыскать и полный отчет Сергея Александровича об этой командировке, продолжавшейся ровно три месяца, с 1 февраля по 1 мая 1902 года. Листаю отпечатанные на пишущей машинке страницы. Они так наполнены жизнью, горячностью, что физически ощущаешь темперамент автора. И в особенности когда это касается вопросов общественной жизни Западной Европы.

«Здесь гораздо больше рекламы, громких названий, — писал Грюнер об акционерном обществе «Зерум Гозельшафт», которому принадлежал Бактериологический институт в городе Локсберге. — Торгашеская обстановка, которую я встретил в конторе общества, заставила отнестись несколько скептически и с предубеждением к самому институту».

С. А. Грюнер начал свою командировку с Берлина. Его интересует научная и практическая ветеринария. Он занимается экспериментами и диагностикой заразных болезней животных и человека, способами приготовления лечебных сывороток. Весь апрель Сергей Александрович путешествует по Германии, Швейцарии, Франции, Бельгии, Голландии, посещая крупные центры ветеринарии, научные учреждения, музеи, библиотеки, клиники.

Сообщая в отчете, что уровень постановки ветеринарной службы в Западной Европе выше, чем в России, ученый отмечает и такое:

«В Саксонии все более увеличивается потребление конского и собачьего мяса. В Дрездене я посетил бойню, где произ-

водится убой, и осмотрел лошадей и собак. Помещение очень мрачное — грязный, тесный и темный сарай... Убивают собак, приведенных бедными владельцами, которые не в состоянии платить высокий налог, установленный на собак, или же сами нуждаются настолько, что принуждены питаться такой пищей».

В Россию С. А. Грюнер вернулся через Ганновер. В Воронеже его гостеприимно встретили... жандармы. Об этом аресте и сообщала «Искра». За связь с искровцами и активную помощь им ветеринарный врач был сослан в Архангельскую губернию.

В ссылке он написал десяток научных статей. Его работами заинтересовался виднейший ветеринарный врач и прогрессивный общественный деятель Валентин Федосеевич Нагорский. Были предприняты меры, чтобы выволить Грюнера из ссылки, но ученый нашел более энергичный выход — сбежал за границу. Нагорский, который стал начальником ветеринарного управления Министерства внутренних дел, не забыл о «талантливом исследователе инфекционных болезней», как характеризовали Грюнера составители «Нового энциклопедического словаря», изданного в Петербурге, и в 1906 году, когда в связи с амнистией Сергей Александрович получил возможность вернуться в Россию, ему была предложена должность областного ветеринарного инспектора Якутии, а в начале 1909 года, после организации Камчатской области, Грюнера перевели в Петропавловск-Камчатский.

3

Двухэтажный сборный дом, который занимал ветеринарный инспектор, в этот день проснулся раньше обычного. Домашних разбудил громкий разговор в кабинете. Голоса постепенно становились раздраженнее и громче.

— Мерзавец! — отчетливо прозвучал гневный голос инспектора.

Разговор сразу смолк. Но через минуту раздался стук распахнутой двери и грохот.

Жена инспектора Лидия Владимировна испуганно высунулась из спальни. На верхней площадке лестницы стоял, широко расставив ноги, инспектор — в толстовке, брюки заправлены в сапоги. Большая лысая голова взбучена, лицо красное, пенсне болтается на черном шелковом шнурке, приколотом булавкой к карману толстовки. В руке он держал шляпу-котелок.

На нижней площадке поднимался с колен незнакомец, одетый щеголевато, по-городскому — в аккуратную визитку.

— Отдайте мне, наконец, шляпу! — закричал он фальцетом.

Инспектор удивленно взглянул на свою руку и запустил котелок вниз по лестнице. Резко повернувшись, направился в кабинет.

— Что, что случилось, Сергей? — спросила жена, кутаясь в шаль.

Но ответил не инспектор, а тот, что находился внизу:

— Этот сумасшедший... Вот он, — «визитка» ткнула пальцем в спину уходящего инспектора, — отказался от десяти тысяч.

— Чего? — не поняла Лидия Владимировна.

— Рублей, рублей-с! — взвизгнула «визитка», выкатываясь через парадный вход на улицу.

Уже за чаем Сергей Александрович, близоруко щуря глаза, поглаживая седую эспаньолку, рассказал:

— Чуму привез, — он показал жене на дымившийся в воротах бухты пароход. — Скот требует разгрузить. Карантин, видите ли, для него — формальность. Главное, он заплатил сто тысяч фрахта... В прошлом году такой же привез без проверки несколько бычков, а через неделю половина стада на сельхозферме подохла...

...Возвращение Грюнера в Петропавловск из Соединенных Штатов совпало с заходом в Авачинскую бухту патрульной канонерской лодки «Маньчжур». Обычно это служило поводом для праздника всего местного бомонда. Дом губернатора Мономахова, тоже недавно приехавшего сюда, заполнился шумной суетой, в кухне, устроенной во флигеле, соединенном с жилыми покоями крытой галереей, готовились яства. Кряхтели купцы, отправляя по заказу хозяина и хозяйки корзинами японские фрукты, американскую крупчатку, английские сукна и русский ситец. Кряхтели потому, что губернатор обычно брал «под запись», порой забывая платить.

Из-за оконных занавесей выглядывали женские лица, украдкой рассматривая гулявших по главной улице офицеров и матросов. Выглядывала не только прислуга, но и сама губернаторша — молодившаяся брюнетка и ее дочь — шестнадцатилетняя красивая девушка с темными живыми глазами.

На бал к губернатору пригласили и ветеринарного инспектора. Грюнер впервые был во внутренних комнатах дома начальника Камчатки, с интересом рассматривал высокие лепные потолки, замаскированные под подоконниками батареи парового отопления, цветной линолеум на полу, хорошую мебель — все свидетельствовало об обжитости этого просторного дома с мезонином, возведенного артелью тамбовских плотников, строивших в 1902 году чиновный городок в связи с организацией в Петропавловске центра губернаторства.

В гостиной собралась почти вся служивая публика. Грюнер тоже надел парадный мундир статского советника. Чиновники по сложным кривым кружились возле губернатора — очень полного и оттого кажущегося ниже ростом краснолицего человека, который тоже прогуливался по залу, слегка кивая головой то тому, то другому. Заметил и Грюнера.

— Слышал, слышал, как вы владивостокского прасола по шеям, — улыбаясь и по-

жимая руку инспектору, громко объявил он. — Чувствуется старый рубака!.. Господа, прошу знакомиться. Наш новый инспектор... из американских странствий возвратясь. Магистр ветеринарных наук — это уже по Дерпту. Мне же, право, больше по душе, что Сергей Александрович — воспитанник Тифлисского кадетского корпуса и 2-го драгунского Петербургского полка, служил также по военно-медицинскому ведомству в казачьих частях в Хабаровске, Чите, в Порт-Артуре...

— Их превосходительство так прекрасно знают мой послужной список, — натянуто удивился инспектор.

— Это совершенно необходимо: чиновники на Камчатке со своеобразием. — И наклонился к докторскому уху. — Согласитесь, что я говорил только о выгодных статьях вашей биографии?

— То есть?..

— То есть не упомянул об исключении за неблагонадежность в 1885 году из Петербургского лесного института, арест и высылку из столицы, не сказал и о побеге из архангельской ссылки и что по 1905 год находились под гласным надзором...

«...И о том, — мысленно продолжил за губернатора Грюнер, — что привлекался к дознанию по делу полтавской и воронежской групп РСДРП, содействия распространению «Искры», и о переправке через границу искровских изданий и партийных денег, и то, что в связи с этими операциями постоянно присутствовал под кличкой «доктор» в переписке редакции «Искра» со своими агентами в России...»

— Да, да! — спохватился Грюнер. — Ваше превосходительство и в самом деле удивительно осведомлены!

— Как и о каждом из своих чиновников, — самодовольно усмехнулся Мономахов. — Ну-с, — оглядел он гостиную. — Видите, высокий в камер-юнкерском мундире... Мой «вице»-Червинский. Мечтатель: мечтает занять мое место. Ха-ха! От камер-юнкерства у него только и остался золотой галун на штанах... Тот, однорукий, разглагольствует с дамами — врач Щепчинский. Бывший социалист-революционер, форсун — офицерскую шинель носит внакидку. Моей жене о социальном переустройстве толковал — она к нему с чем-то ходила в больницу. Пока политикой занимался, у него собственную жену один ловкач увел, вон тот, окружной инженер Викентьев... Кстати, зачем вам было брать от Викентьева к себе в помощники некоего Ларина? Скажу вам, личность подозрительная... Софья Николаевна, — прервал самого себя губернатор, подходя к жене, выглядевшей сегодня особенно молодо, — мсье Грюнер многообразован. Он с удовольствием продолжит с тобой разговор. Ну, например, об американской политике в отношении нашего Севера, — уже по-английски продолжал губернатор и с улыбкой взглянул на инспектора. — Надеюсь?..

— Конечно, — по-английски отозвался и Грюнер.

— Мерси, Владимир, — кивнула мужу губернаторша и обратилась к Грюнеру: — Много наслышана о вас, — и далее зашебетала по-французски.

Вежливо на французский перешел и Грюнер.

...— Чего же боле, свет решил, что я умен, — смеялся дома за столом Сергей Александрович, покинувший бал, как только начались танцы. Ничего не сказав жене о подозрительной осведомленности губернатора, чтобы не расстраивать ее, он спросил, заходил ли Ларин.

Иван Емельянович Ларин, двадцатидвухлетний молодой человек, значившийся лаборантом при областном инспекторе, готовился к экспедиции на Карагинский остров. Грюнер задумал изучить хозяйственные ресурсы острова с точки зрения организации на нем звероводческого хозяйства. Губернатор, характеризуя Ларина, и сам не предполагал, как близок к истине. Дело кончилось бы не предупреждением, знай он, что молодой лаборант — участник владивостокского восстания военных моряков в октябре 1907 года, что ему, слесарю мастерских военного порта, чудом удалось избежать ареста и в июле 1908 года с группой товарищей скрыться на Камчатку. До Мономахова лишь доходили слухи, что квартира Ларина превратилась в своеобразный клуб, но повода для наказания не было: молодые люди, казалось, проводили обычные вечеринки. Не знал губернатор, что эта квартира не раз становилась и перевалочным пунктом бежавших в Соединенные Штаты революционеров, которых жандармы уже преследовали по пятам...

На Карагинский отправились в конце лета, в самую сухую и теплую пору. В экспедицию взяли повара-китайца Василия и проводника-коряка. Вчетвером они проделали несколько маршрутов вдоль и поперек острова. Проводилась комплексная программа естественно-географических исследований: съемка, изучение флоры и фауны, раскопка заброшенных стоянок... Слесарю Ларину пришлось стать еще и топографом, и ботаником, и строителем, и археологом, даже мастером фотодела...

— Что отстааете? — обернулся Грюнер к своему спутнику, подчеркнуто пропуская его вперед. — Со времен студенчества не терплю, когда кто-то идет сзади. Всегда кажется, что шпик. Вы с этой категорией людей знакомы?

Вопрос более чем неожиданный. Пока Ларин раздумывал с ответом, инспектор заметил:

— Советую и вам быть несколько внимательнее к тем, кто в Петропавловске любит пристраиваться позади...

Отряд возвращался на базу в долине реки Унунуэм, впадающей в море в полудтора десятках километров южнее бухты Ложных Вестей. Здесь был установлен железный домик, который привезли с собой из города.

На острове Грюнер открылся членам

экспедиции многими сторонами, и не только как ученый, но и как внимательный и очень добрый человек. Инспектору было уже под пятьдесят, Ларину вдвое меньше, но старший ничем не подчеркивал своего превосходства. Наоборот, старался держаться на равных, разделяя все тяготы полевой жизни. Он умел быстро разбить удобный лагерь, устроить походную баню в палатке, подбодрить острой шуткой. Это было важно: все устали, пообтрепались. У магистра из городского осталась целой только форменная с бархатным околышем фуражка, а у лаборанта — широкополая шляпа и ремень.

Для Ларина это путешествие оказалось своеобразным университетом. В своей автобиографии Иван Емельянович подчеркивал: «Поездка в экспедицию с Грюнером расширила кругозор моих небольших знаний». Рабочий, окончивший всего лишь ремесленное училище, он горячо увлекся естественными науками. В 30-х годах ему была поручена организация Печеро-Ильичевского заповедника, он стал его первым директором, затем работал в Лапландском заповеднике на Кольском полуострове, а перед выходом в 1957 году на пенсию — в заповеднике «Денежкин камень» в Свердловской области...

Ларину пришлось расстаться с курением. Магистр Грюнер бесцеремонно обрывал курильщиков: «Я не курю и вашим дымом дышать не намерен». Сидел ли инспектор в своей черной докторской шапочке за микроскопом, возился ли с животными — у него на квартире был зверинец: лиса, песец, медвежонок и даже орел с подбитым крылом, — ставил ли опыты — все делал с увлеченностью, заражая ею и окружающих. Даже дети в их доме — и те играли чаще всего в лабораторию. Игрушками при этом были пробирки, ступки, спиртовки. В редкие минуты отдыха Сергей Александрович артистически читал Чехова. Томик любимого писателя оказался с ним даже в поездке на Карагинский.

В экспедиционном отчете Грюнер сделал вывод, что остров — удобное место для разведения пушного зверя. Эта идея была воплощена в жизнь в 1927 году, то есть уже при Советской власти: в долине Унунуэм Акционерное Камчатское общество (АКО) организовало питомник серебряных лис, а в следующем, 1928-м, Тихоокеанская научно-промысловая станция завезла сюда для разведения еще соболей и ондатру. Последняя была выписана из Канады.

4

«...Уместно ли назначать ветеринарного врача в какой-либо район, население которого прежде всего и больше всего нуждается в медицинской помощи? Понятно, к нему не будут приводить больных животных — собак или северных оленей, а будут приходить больные люди и просить о помощи».

Написав эти горькие слова, Грюнер задумался. Он вспомнил рассказ молодого ветеринарного врача из Анадырского округа, который был вынужден произвести кесарево сечение у чукчанки. Вспомнил, что и самому не раз приходилось оказывать помощь якутам и юкагирам, когда работал в Якутии, а совсем недавно — заниматься прививкой против оспы во время поездки на Охотское побережье.

Это случилось после экспедиции на остров Карагинский. За год Грюнер успел организовать в Петропавловске бактериологическую лабораторию — первую на северо-востоке страны, всю зиму провел в путешествиях по Камчатскому полуострову. Он установил численность оленей у быстринских ламутов и коряков, изучал состояние стад, диагностировал болезни северных животных. В поселке Ола произвел опыты по лечению копытной болезни у оленей и пришел к выводу, что «болезнь совершенно неправильно описана многими ветеринарными врачами и исследователями окраин... Теоретически допустимо излечение копытной болезни оленей». Он считал, что в Оле необходимо открыть постоянный ветеринарный пункт, кроме того, надо создавать ветеринарные передвижные экспедиции.

«Для этого необходимы люди идейные и здоровые... Sporадические же наезды не приведут ни к чему», — продолжал Грюнер в своем отчете, четко выводя чернилами строчку за строчкой. Он вспомнил, что в той же Оле встретил энтузиаста учителя Игнатия Афанасьевича Варрена, вместе с которым оборудовал первую метеостанцию в поселке.

В самом конце отчета он пишет: «Если будет обращено внимание на превосходную бухту Нагаева (Волок), в 27 верстах от Олы, и устроены там склады, то Ола может стать центром уезда».

Прозорливые слова! На берегу бухты Нагаева в советское время вырос центр всего Приколымья — город Магадан.

Губернатор Мономахов, пытавшийся приручить мятежного доктора, начертал на его отчете: «Статья крайне интересная. Написана остроумно, хорошим живым языком и должна быть не только отпечатана, но и широко распространена. Предлагаю отпечатать».

Вскоре в местной типографии отчет инспектора увидел свет.

Однако, несмотря на это заигрывание высшего начальства, Грюнер не сблизился с чиновниками. «Судейский городок», как именовали ближнюю к бухте улицу, где жила местная служивая знать, его не терпел. Товарищ областного прокурора Денисов писал доносы. Зато Сергей Александрович подружился с приехавшим в Петропавловск после Акатуйской каторги бывшим членом 2-й Государственной думы от социал-демократической фракции агрономом Иваном Федоровичем Головановым. Голованов возглавил первую на Камчатке сельскохозяйственную ферму, превра-

тившуюся впоследствии в совхоз — «Петропавловский». Не прерывал он знакомства и с Лариным, который сдал экзамен на техника-строителя. В 1916 году Ларина призвали на военную службу и отправили во Владивосток. Готовился к переезду и Грюнер. В связи с войной его в 1917 году командировали в Маньчжурию осуществлять ветеринарный надзор за подготовкой мясных продуктов для Действующей русской армии. Но им еще привелось встретиться.

В конце 1922 года, когда с Камчатки были изгнаны последние белогвардейские банды, Грюнеру в Харбин пришло письмо, подписанное членом Камчатского облнарревкома Иваном Емельяновичем Лариным. Бывший лаборант не забыл ученого и предлагал ему возвратиться на Камчатку, продолжить начатое дело по изучению и совершенствованию оленеводческого хозяйства.

Ученый с радостью согласился. Белогвардейские эмигранты, которыми был переполнен Харбин, хотели задержать его выезд. Поэтому Сергею Александровичу пришлось вместо прямой дороги через КВЖД избрать окольный путь через Корею и Японию. В сентябре 1923 года он прибыл на Камчатку. Его тут ждали.

Широко образованный человек, знавший не только медицину, но и математику, ботанику, лесное дело, натуралист в самом широком смысле этого слова, он был деятельным пропагандистом передовой науки. Занимаясь, как всегда энергично, служебными делами, Грюнер немедленно включился и в общественную работу, в деятельность Камчатского краеведческого общества, изучавшего природные ресурсы.

В «Полярной звезде» тех лет постоянно наталкиваешься на сообщения такого рода:

«Состоявшаяся 10 января в Партклубе лекция проф. Грюнера «Происхождение человека» привлекла массу публики. Профессор доказал ложность библейского сказания о сотворении человека и мира. Лектор отметил заслуги Дарвина, который является величайшим революционером в естествознании».

Или вот объявление, отпечатанное на цветной бумаге:

«22 марта День помощи беспризорному ребенку. Все в народный театр на лекцию проф. Грюнера о витаминах, весь сбор с которой поступит на усиление средств Петропавловского Детдома им. тов. Ленина».

Сергей Александрович читает лекции о происхождении Земли, о возникновении жизни, о гормонах и, конечно, — о научном ведении оленеводческого хозяйства. Он снова в частых разъездах — помогает оленеводам лечить животных, организовывать новые пастбища, вести учет.

В 1925 году Грюнера приглашают в Омск. Ему предлагают возглавить первую в стране кафедру оленеводства при Омском зооветеринарном институте. В задачу этой кафедры входила подготовка высококвалифицированных работников для областей

Крайнего Севера, бывших, по терминологии царских чиновников, «гиблых мест».

Вводная лекция, которой Сергей Александрович начал чтение своего курса в институте, собрала массу народа. Называлась она «Значение оленеводства и статистика его». Но профессор вышел за рамки темы. Он много внимания уделил оленеводам, коренным народностям Севера, условиям их жизни, их будущему. Важность этой лекции отмечала омская газета «Рабочий путь» в номере за 30 октября 1926 года, подчеркивая: «Проф. Грюнер утверждает, что северяне — сильны и крепки физически и способны к развитию, им необходима лишь товарищеская поддержка со стороны культурных наций. И эту помощь им оказывает в настоящее время Советская власть».

И опять лекции, экспедиции, командировки. В 1926 году летом Сергей Александрович находится на Обском севере, организует ветеринарную службу в Березове, затем в Нарымском крае, в Ларьяке создает специальный оленеводческий питомник. В 1927 году обследует оленеводческие хозяйства на севере Скандинавии — в Финляндии, Швеции, Норвегии. Через год он уже на Дальнем Востоке, в Майхэ, ставит опыты с пятнистыми оленями, а затем — на Алтае. К этому времени С. А. Грюнером было опубликовано в русской, советской и зарубежной печати уже около ста научных работ.

Не забывает Сергей Александрович и Камчатку, ведет переписку со всеми учениками. Воюет с невеждами, сочиняющими о далеком полуострове «ученую» чушь, пишет крайне резкие отповеди своим кабинетным коллегам, «никогда не видевшим оленей, кроме как в зоопарке». Возглавляя кафедру, он воспитал сотни ветеринарных врачей-оленеводов. Студенты, среди которых было много бывших рабфаковцев, отвечали ему любовью и уважением.

«Профессор Грюнер — удивительный человек, — писал в «Рабочем пути» один из них — Василий Горнов, за плечами которого был штурм Перекопа. — Ему 70 лет, но он подвижен как юноша. Он изъездил земной шар и знает семь иностранных языков. Он бодр, свеж, походка его — стремительный бег энергии... Когда я смотрю на профессора, мне кажется, он будет жить вечно».

Нет, он, конечно, не был вечен, этот неистовый ученый и революционер. Энергичный, жизнерадостный, он всегда спешил в работе и даже умер на ходу, у железного моста через реку Омь: спешил на лекцию. Случайно оказавшийся там казах привез его на своих розвальнях в институт. Это случилось 26 марта 1931 года. Крупнейший врач-оленевод Советской России, ученый с мировым именем лежал на покрытом кумачом столе в кожаной куртке и в торбасах, присланных ему в подарок с Камчатки.